УДК 82-1(470)

ЖАНРОВЫЕ ИНТЕНЦИИ В ПОВЕСТИ В. АКСЕНОВА «ЗОЛОТАЯ НАША ЖЕЛЕЗКА»

Звягина М. Ю.

ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет», Астрахань, Россия (1414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а), e-mail: mzviagina@yandex.ru

Объектом анализа является повесть В. Аксенова «Золотая наша Железка», написанная в 1973 году, предметом – жанровые интенции. В статье использован системный подход, предполагающий анализ жанровой модели произведения и жанрообразующих элементов, применены историко-литературный и системно-типологический методы. В статье доказывается, что повесть В. Аксенова «Золотая наша Железка» представляет собой не пародию на производственную прозу, а является результатом обновления формульного жанра. Писатель сохраняет позитивный пафос индустриальной прозы. Однако он предлагает художественный опыт, который демонстрирует возможности не только реалистических, но и авангардных приемов, позволяющих по-новому воплотить идею созидательного общественно полезного труда. В рамках статьи стало возможным остановиться на анализе такой составляющей жанров производственной прозы, как герой-протагонист-идеолог, в инварианте, как правило, лишенный черт, которыми его наделяет В. Аксенов в своей повести. Разнообразя приемы воплощения образа протагониста, писатель показывает, что, не отрицая идейной доминанты жанра, можно избавиться от схематизма в обрисовке характеров. Интенциями обновления жанра обусловлено также введение сюжета об авторе, создающем произведение. Это второй аспект, который стал предметом анализа в статье, где показано, что «Золотая наша Железка» представляет собой художественный опыт модернизации формульного жанра производственной прозы.

Ключевые слова: пародия, жанровая модификация, производственная проза, обновление традиции, жанровые интенции, жанровые стратегии, жанровая модель.

GENRE INTENTIONS IN THE NOVEL “OUR GOLDEN HARDWARE” BY V. AKSENOV

Zvyagina M. Y.

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia (414056, Astrakhan, Tatishev street, 20a), mzviagina@yandex.ru.

The object of our analysis is the novel “Our Golden Hardware” by V. Aksenov, written in 1973, and the subject is genre intentions. The systematic approach is applied and it implies the analysis of a genre model and genre making elements of a work, the historical literary method and the systematic typological method are applied. The article proves that the novel “Our Golden Hardware” by V. Aksenov is not a parody on the industrial prose but a result of the formula genre modernization. The author preserves the positive mood of an industrial novel. However he offers an artistic experience which demonstrates the opportunities of not only realistic but also avant-garde methods, allowing to embody the idea of creative public-spirited labour in a new way. The article analyzes an industrial novel genres component which is a hero-protagonist-ideologist, who is in an invariant, as a rule, deprived of the features, endued by V. Aksenov in his novel. By the diversification of the image embodiment approaches the author shows that it’s possible to avoid schematism in drawing the characters. The introduction of the story about the author creating a work is also due to the genre modernization intentions. This is the second aspect of the article analysis which shows that “Our golden hardware” is an artistic experience of the modernization of the industrial novel formula genre.

Key words: parody, genre modification, industrial prose, modernization of a tradition, genre intentions, genre model.

Одной из центральных тем творчества В.Аксенова становится тема «поиска жанра», которая объединяет целый ряд произведений, в частности, в доэмигрантский период это «Затоваренная бочкотара» (1968), «В поисках жанра» (1972), «Золотая наша Железка (1973), «Ожог» (1975). Все эти произведения можно объединить в цикл и именно так интерпретировать, поскольку общность жанровых интенций очевидна. Во всех случаях поиски приводят к созданию новых жанровых модификаций. Однако каждое из названных произведений являет

собой образец особой авторской стратегии поиска жанра. В случае с «Золотой нашей Железкой» это стратегия «применения старых форм в новой функции» [8, 293], или обновления жанра. По Тынянову, таким путем осуществляется эволюция литературы. В отношении к предмету нашего исследования следует уточнить, что речь идет о старых жанровых формах не только в новой функции, но в новой модификации.

В повести «Золотая наша Железка» В. Аксёнов предпринимает попытку вдохнуть новую жизнь в такую разновидность эпоса, как производственная проза, за годы «остановленного времени» (Е. Добренко) превратившуюся в закоснелый образец соцреалистической литературы.

Литературоведами, занимающимися творчеством В. Аксенова, была высказана мысль о том, что «Золотая наша Железка» представляет собой пародию на индустриальную прозу: “Indeed, *Our Golden Hardware* has all the major features of that literary model (‘industrial novel’), except that they are present in a distorted form and the object of ridicule. Using the terminology of Henryk Markiewich, this novel could be called a parody ‘sensu stricto’; that is, it comically exaggerates and condenses the features of the literary model” [10, 195]. Процитированный автор, Nina Kolesnikoff , в своей статье «*Our Golden Hardware* as a parody» выделяет три уровня пародии: пародии на произведения русских писателей, пародия на «производственную прозу» и «метаповествовательную» пародию (“meta-fictional parody”). Это утверждение представляется в ряде аспектов не бесспорным.

Обратимся к вопросу понимания пародии, которое, по признанию многих исследователей, до конца не прояснено. Главным предметом споров оказывается вопрос об однозначной трактовке пародии как «комическом подражании» [2, Стлб. 721], «комической переделке уже существующего текста» [9, 220].

Другая точка зрения на пародию заключается в том, что «…комический эффект не всегда является необходимым условием современной пародии…» [3]

Ю.Тынянов говорил о существовании «некомических» образцов жанра пародии. А. Морозов, определяя жанровые признаки пародии, не относит комизм к основным, но считает, что он «играет существенную роль в жизни этого жанра» [6, 63]. Комизм в пародии возникает в силу того, что часто авторы в ней используют приемы, как правило, предназначенные для достижения комического в любых жанрах. Понятно, что не всякое произведение, где присутствуют алогизм, гротеск, остранение, амфиболия, солецизмы и т.д., относится к пародии. «Нельзя всякое сатирическое изображение, хотя бы имеющее за собой реальный прототип, всякое ироническое ведение речи объявлять пародийным, не говоря уже о том, чтобы относить его к литературному жанру пародии» [6, 48].

Другим камнем преткновения в теории литературы становится вычленение элементов жанровой модели пародии. Не вдаваясь в тонкости вопроса, скажем, что придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые выделяют такие доминирующие признаки пародии, как особый предмет изображения – искусство как явление действительности, наличие «второго плана», сохранение формальных элементов оригинала, характер преломления литературной традиции, обусловленный установкой пародиста, актуальность.

На наш взгляд, повесть В.Аксенова «Золотая наша Железка» не содержит нужного набора жанровых составляющих пародии. В частности, пародия предполагает, как писал Ю. Тынянов, «механизацию приема» [7, 210], который должен вступать в противоречие с другими элементами произведения, разрушая привычное восприятие, формируемое первоисточником, и вызывая контрастный первоисточнику настрой. В «Золотой нашей Железке» этого нет. Если говорить об иронии, которая становится доминантой стиля повести, то она имеет иную, чем ирония в пародии, природу. Ирония в «Золотой нашей Железке» – это особенность индивидуальной манеры исполнения текста В. Аксенова, и именно так её нужно воспринимать. Думается, что, определяя жанровые интенции повести «Золотая наша Железка», правильнее говорить не о пародии, а о создании автором модернизированной модификации производственной повести.

Не отрицая идею производственной прозы, писатель пытается найти новые формы её воплощения. В предисловии к так и не состоявшейся публикации повести в шестом номере журнала «Юность» за 1974 год В. Аксенов писал: «Возможно, главная черта нашего поколения – это преданность своему делу, полное страсти служение этому делу, более того – поклонение своему делу». В таком контексте размышление о рубежном периоде сорокалетия, о дальнейшем пути вполне закономерно было реализовать в рамках традиционной производственной тематики, осмысленной в новых формах.

За годы существования советской литературы «производственная» проза была одной из самых востребованных жанровых разновидностей эпоса. Можно выделить несколько этапов ее эволюции, которая, однако, носила скорее содержательный, нежели формальный характер, да и в содержании изменения были непринципиальными. Каждое десятилетие, начиная с 30-х гг., в разработку темы созидательного труда вносились нюансы, связанные со спецификой социального заказа определенного времени. Художественный метод освоения действительности оставался неизменным – социалистический реализм. В период серьезных перемен в жизни общества, названный «оттепелью», производственная проза претерпевает существенные идеологические преобразования, но, по-прежнему, в рамках соцреалистического канона. На фоне такой устоявшейся традиции «Золотая наша Железка», действительно, могла показаться пародией.

Проблема верной идентификации авторских интенций и жанра возникла из-за того, что Аксенов, создавая новую жанровую модификацию, обращается к авангардным приемам, в то время как его современники, тоже стремящиеся обновить жанр, делают это в реалистических традициях. Авангардные приемы были непривычны, особенно для жанра, который, кажется, вырос из самой действительности. Хотя нельзя забывать, что в основе соцреализма лежал императив, а не свободное следование принципам отражения жизни в формах самой жизни, связи с действительностью носили условный характер. Понимание этого у искушенного читателя могло вызвать мысль о пародийности «Железки», когда условность одного качества заменялась условностью другого, «нереалистичное» жизнеподобие – открытой фантастичностью, декларируемой в жанровом подзаголовке («…повесть с преувеличениями…»). Думается, что у автора были иные, нежели отрицание жанра цели. Это становится очевидным при анализе образа героя-протагониста и специфики образа автора.

В.Аксенов оставляет неизменной сюжетно-композиционную схему и основные типы героев. Сюжетную основу производственной повести «Золотая наша Железка» составляет рассказ о людях, в далеком сибирском наукограде «Пихты» ломающих головы над секретами частицы «Дабль-фью» с помощью установки, получившей название «Железка». Заметим попутно, что выбор сферы производства вполне укладывался в веяния времени, которые нужно было непременно учитывать авторам произведений на темы созидательного труда. В 60-е – 70-е гг. приоритетным направлением в развитии социалистической экономики и советского общества была названа наука. Как и в традиционной производственной повести, движет действие «Железки» решение производственных задач и укрощение природной и человеческой стихии.

Среди героев обнаруживаются узнаваемые типы: протагонист-идеолог-руководитель, его сподвижники, антагонист. Однако автор расширяет набор приемов изображения характеров, что позволяет задать их личностные координаты и сделать образы объемней, лишить их жесткой функциональности. Нетрадиционность этих приемов и порождает впечатление пародийности. Особенно очевидно это в образе протагониста с «говорящей» фамилией Великий-Салазкин, которая, однако, в противовес традиции характеризует не персонажа, а принципы нового авторского подхода к главному герою производственной прозы. Контраст между объемом понятия «великий» и разговорным вариантом лексемы, обозначающей зимнюю повозку на двух полозьях для детских забав, свидетельствует о стремлении автора раздвинуть границы образа, придав ему реалистические черты, предполагающие неоднозначность персонажа, а также укладывается в ироническую стилистику повествования. Это впечатление усилено и специфической речевой манерой героя. Просторечный синтаксис и лексика причудливо сочетаются в языке Великого-Салазкина с научной терминологией: «Гоняешь,

гоняешь проклятую невидимку по ускорителям да по извилинам собственного церебруса, - он виновато постучал по макушке, - и вдруг чуешь – заквасился, засолился, как позапрошлая кадушка» [1, 441]. Такая языковая смесь – отражение актуальной для времени 60-х – 70-х речевой манеры интеллигенции, в настроении которой соединялись иронический пафос и искренность. В искренность героя автор помогает поверить, очистив его высказывания от обязательных для производственной прозы ссылок на классиков марксизма и от партийных лозунгов. Место лозунгов заняли перефразированные цитаты из поэзии Серебряного века. Цитируя И. Северянина, герой не перестает быть идеологом, служащим интересам дела, которое считает главным. При этом он не лишен слабостей, в частности, внимания к противоположному полу. Здесь автор также вступает в спор с ограничениями формульного жанра производственной прозы, где герой являет моральную безупречность, а его чувства подчинены долгу. Сам труд воспринимается героем не как тяжелая ответственность, а как часть его интересной полнокровной, гармоничной жизни. Не случайно подробное перечисление дел, которые Великий-Салазкин проделал во время отпуска: от «выколачивания дополнительных ассигнований в Госплане и Совмине» и симпозиума до посещения мессы, выставок и «всех родичей». Заметим попутно, что, перечисляя все это, автор подчеркивает безусловные достоинства личности ученого, для которого нет разделения на свое и общественное. Такая установка героя – одна из главных черт протагониста в производственной прозе. Несвойственным для формульного жанра является только снижение пафоса посредством смешения языковых стилей: «…это была культурная житуха: мессу слушал, по выставкам погонял…» [1, 410]. Лишая протагониста ореола безупречности в речевом и психологическом плане, но сохраняя его идеологическую «чистоту», автор расширяет возможности решения образа героя-идеолога в производственной прозе.

Об интенциях обновления жанра свидетельствует присутствие в повести второго сюжета, связанного с темой поиска жанра.

Этот второй сюжет представляет собой историю автора, который пишет повесть о людях, живущих в Пихтах и работающих на Железке. Сюжет о создании произведения тоже мыслится в «производственных» категориях. Автор отправляется со своими героями к месту их работы, чтобы реализовать собственные творческие планы. Это отвечает традициям, в которых складывалась производственная проза. Писатели, прежде чем приступать к написанию произведения на тему созидательного труда, считали своим долгом лично поучаствовать в производственных процессах, отправлялись на крупные стройки. В «Литературной газете » 30-х гг. можно найти рубрику, фиксирующую это явление: «Писатели – на крупнейшие стройки СССР» [4,1]. Писатели группы «Перевал» в «Нашей заявке», опубликованной в «Литературной газете», сообщали о своем «желании быть «участниками созидания социали-

стического Приангарья» [5,3]. Однако в формульных жанровых разновидностях индустриальной прозы эти факты не были предметом художественного изображения, оставаясь за рамками произведения. В. Аксенов делает автора участником «производственных» событий в повести.

Автор такой же созидатель, как и другие герои, но в иной области. Он тоже ищет, но не частицу, а приемы создания произведения. Он, подобно героям, преодолевает трудности, но в итоге тоже побеждает.

Кроме того, и у ученых-физиков, и у автора есть общий антагонист – Мемозов, который, однако, страшен не только тем, что, как это принято в производственной прозе, вредит осуществлению созидательной научной цели. Мемозов вмешивается в повествование и разрушает его. «Для начала я внедрюсь как инородное тело в эту повесть, ворвусь в нее враждебной летающей тарелочкой, пройдусь жадным грызуном по ниточкам идиллического сюжета, влиянием своего мощного магнитного поля перепутаю орбиты героев; потом посмотрим, похохочем над незадачливым автором» [1, 426]. В Мемозове всякий раз подчеркивается демоническое начало: от внешнего вида («желтый насмешливый и демонический взгляд» [1, 427]; «вся его фигура, озаряемая подвижными аэродромными огнями, являла собой вид демонический и динамичный» [1, 424-425] до сверхъестественных возможностей. Фантасмагоричность в описании разрушительной деятельности Мемозова – это один из приемов, реализующих авторский замысел обновления жанровой формы. Важно то, что труд автора спасен. Повесть состоялась, причем усилиями всех героев: « – Начнем по новой наш сюжет! – крикнул академик и вонзил лопату в мерзлый грунт пятнадцатилетней давности» [1, 574]. Финал оптимистичен, как этого и требовала производственная проза. Повесть спасена, успехом увенчалась и деятельность физиков: «Разом в Железке зазвонили все телефоны, загудели все селекторы, забормотали все уоки-токи, затрубили все трубы. Так бывало всегда, когда в Железке совершалось важное открытие» [1, 574]. Характер финала свидетельствует о том, что автор не отрицает производственной прозы, он стремится расширить возможности жанра.

Второй сюжет актуализирует образ автора, который по всем правилам производственной прозы должен выступать с позиций демиурга, обладающего эпическим всезнанием имплицитного повествователя, носителя сформированного комплекса представлений о мире, лишенного рефлексии. В повести В. Аксенова это не так. Здесь можно говорить об образе автора, который вбирает доминирующие повествовательные формы предшествующей литературной традиции. Это всевластный автор, хотя и стремящийся избежать проявлений «произвола»: «Насилие над героем всегда удручает людей нашей тоже гуманной профессии» [1, 385]. Всезнание, однако, не абсолютное: «Весь экипаж погиб, или кто-нибудь уцелел, неведомо никому, даже автору сочинения» [1, 430]. Другая традиция – это эксплицитный автор-

рассказчик, равный своим героям, о чем свидетельствует признание автора в начале повествования: «Тягостное беспокойство на какое-то время охватило автора, но люки были уже задраены, пора начинать, и он смалодушничал, ухватился за испытанное оружие, за «я», и загудел как бы от лица старшего научного сотрудника Вадима Аполлинариевича Китоусова и в то же время как бы от себя» [1, 386]. Повтор «как бы» сигнализирует о том, что игровая условность, которая подразумевалась под «преувеличениями», упомянутыми в жанровом подзаголовке, распространяется не только на основной «производственный» сюжет, но и на историю автора тоже. О присутствии автора в системе персонажей свидетельствует и возникшее в финале повести обобщающее «мы». Автор вместе со своими персонажами начинает «по новой» строительство Железки, разрушенной кознями «авангардиста» – антиавтора Мемозова в его же собственном сне, куда сверхъестественная сила поместила всех героев. «И все мы вслед за мной вонзили в наш грунт наши лопаты, и на этом сон Мемозова кончился – прорвались!» [1, 574]. Синтезируя предшествующие нарративные традиции, В. Аксенов создает совершенно оригинальный образ автора, которого можно было бы назвать «жанровым образом автора» по аналогии со средневековым феноменом, где индивидуальность автора подчинена реализации определенного жанрового амплуа. Образ автора в повести В. Аксенова, жанр которой определен как «юмористическая повесть с преувеличениями и воспоминаниями», не лишен собственной индивидуальности, но основная его жанровая функция – быть выразителем идеи творческой рефлексии. Сюжетная ситуация поиска жанра становится доминирующей по отношению к собственно производственному сюжету и наряду с этим выполняет функцию приема, обновляющего жанр.

Творчество В. Аксенова свидетельствует о том, что реализация замысла «поиска жанра» как эстетической программы писателя осуществлялась в разных произведениях писателя разными способами. В повести «Золотая наша Железка» авторскую стратегию можно назвать «обновлением жанра».

Список литературы

1. Аксенов В. П. Золотая наша Железка. – М.: Эксмо, 2007. – 576 с.
2. Гаспаров М. Л. Пародия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н.Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
3. Козловски Ю. З. Коды комического в сказках Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/kozlovski_yudzhin/kodi_komicheskogo_v_skazkah_strugackih_ponedelnik_nachinaetsya_v_subbotu_i_skazka_o_troyke/read_1/ (дата обращения: 02. 05. 2012).

4. Литературная газета. – 1931. – № 23. – 29 апреля.
5. Литературная газета. – 1931. – № 27. – 20 мая.
6. Морозов А. Пародия как литературный жанр (к теории пародии) // Русская литература. – 1960. – № 1. – С. 48-77.
7. Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 576 с. – С. 198-226.
8. Тынянов Ю. Н. О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 576 с. – С. 284-310.
9. Шатин Ю. В. Два лика пародии // Критика и семиотика. – Вып.13. – С.213-220 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/education/virtual/cs013shatin.pdf (дата обращения: 25.04.2012).
10. Kolesnikoff N. Our golden hardware as a parody // Vasiliy Pavlovich Aksënov: a writer in quest of himself . – Slavica Publishers, Inc., USA. – P. 193-204.

Рецензенты:

Завьялова Е. Е., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета, ФБГОУ ВПО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань.

Колядич Т. М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI вв. Московского педагогического государственного университета, ФБГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва.